

МЕТАФИЗИКА РЕЧИ: СУФИЙСКИЕ ТЕРМИНЫ И ИХ СИМВОЛИКА У НАСИМИ

Х.И.Гейдарова, Институт языкознания имени Насими

Национальной академии наук Азербайджана

Баку, Азербайджан

(E-mail: heyderova73@mail.ru)

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1148-8326>

Аннотация. В данной статье рассматривается концепт «речь» (*nitq*) в поэтическом наследии Имадеддина Насими (XIV век) сквозь призму суфийской и хуруфитской философии. Исследование показывает, что понятие речи в творчестве Насими выходит за пределы лингвистического феномена и приобретает сакральное, онтологическое и гностическое значение. Речь трактуется как форма божественного откровения, носитель внутренней истины, средство духовного пробуждения и путь к совершенству. Автор анализирует более 60 терминов, связанных с концептом речи — таких как *söz, kəlam, bayan, nida, səvt, ləb, dodaq, lə'l, ab, şərab, cam, Kövsər* — раскрывая их символическое и аллегорическое содержание. Посредством лексико-семантического, контекстуального и символического анализа выявляется глубокая взаимосвязь между речью и божественным знанием. Особое внимание уделяется синтаксическим конструкциям, через которые поэт выражает идеи вечной жизни, откровения и мистического опьянения. В результате были классифицированы 65 суфийских терминов: 19 — образованных лексически, 46 — синтаксически. Эти элементы формируют уникальную поэтическую систему, в которой слово становится отражением Творца. Кроме того, анализ демонстрирует, что речь у Насими несёт в себе функции не только выражения, но и трансформации — как сознания, так и бытия. Термины, связанные с речью, часто сочетаются с водной символикой, образами вина, чаши, источников рая, что указывает на их причастность к божественной благодати.

Ключевые слова: речь, божественное слово, суфийская терминология, метафора вина, хуруфитская символика.

LEXICAL AND SEMANTIC ANALYSIS OF THE CONCEPT OF “SPEECH” AND RELATED SUFI TERMS IN THE WORKS OF IMADADDIN NASIMI

Khadija Heydarova, Nasimi Institute of Linguistics

Azerbaijan National Academy of Sciences

Baku, Azerbaijan

(E-mail: heyderova73@mail.ru)

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1148-8326>

Abstract. This article examines the concept of “speech” (*nitq*) in the poetic heritage of Imadaddin Nasimi through the lens of Sufi and Hurufi philosophy. The study reveals that the notion of speech in Nasimi’s work transcends a purely linguistic phenomenon and acquires sacred, ontological, and gnostic significance. Speech is interpreted as a form of divine revelation, a bearer of inner truth, a means of spiritual awakening, and a path to perfection. The author analyzes more than 60 terms related to the concept of speech — such as *söz, kəlam, bayan, nida, səvt, ləb, dodaq, lə'l, ab, şərab, cam, and Kövsər* — revealing their symbolic and allegorical content. Through lexical-semantic, contextual, and symbolic analysis, the research identifies a profound relationship between speech and divine knowledge. Particular attention is paid to the syntactic constructions through which the poet expresses ideas of eternal life, revelation, and mystical intoxication. As a result, 65 Sufi terms were classified: 19 formed lexically and 46 syntactically. These elements form a unique poetic system in which the word becomes a reflection of the Creator. Furthermore, the analysis demonstrates that speech in Nasimi's poetry functions not only as a means of expression but also as a tool of transformation — both of consciousness and of being.

Keywords: speech, divine word, Sufi terminology, wine metaphor, Hurufi symbolism.

NUTQ METAFIZIKASI: NASIMIY İJODIDAGI SUFIY TERMINLAR VA ULARNING RAMZIY MA'NOSI

X.I. Geydarova, Nasimiy nomidagi Tilshunoslik instituti,
Ozarbayjon Milliy fanlar akademiyasi, Boku, Ozarbayjon
(E-mail: heyderova73@mail.ru)

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1148-8326>

Annotatsiya. Ushbu maqolada XIV asr shoiri Imodiddin Nasimiyning she'riy merosida "nutq" (nitq) konsepti sufiylik va hurufiylik falsafasi nuqtayi nazaridan tahlil qilinadi. Tadqiqot shuni ko'rsatadiki, Nasimiy ijodida nutq tushunchasi sof lingvistik hodisa doirasidan chiqib, muqaddas, ontologik va gnoseologik (ma'rifiy) mazmun kasb etadi. Nutq ilohiy vahiy shakli, ichki haqiqat tashuvchisi, ruhiy uyg'onish vositasi va kamolot yo'li sifatida talqin qilinadi. Muallif nutq konseptiga aloqador 60 dan ortiq terminlarni — masalan, *söz, kəlam, bayan, nida, səvt, ləb, dodaq, lə'l, ab, şərab, cam, Kövsər* — tahlil qilib, ularning ramziy va allegorik ma'nolarini ochib beradi. Leksik-semantik, kontekstual va ramziy tahlil vositasida nutq va ilohiy bilim o'rtasidagi chuqur bog'liqlik aniqlanadi. Shoir abadiy hayot, vahiy va mistik mastlik g'oyalarini ifodalashda qo'llagan sintaktik tuzilmalar alohida e'tiborga loyiq. Tadqiqot davomida 65 ta sufiy termin tasniflangan: ulardan 19 tasi leksik, 46 tasi sintaktik jihatdan shakllangan. Bu elementlar shoirning betakror poetik tizimini shakllantirib, unda so'z Yaratganning in'ikosiga aylanadi. Shuningdek, tahlillar ko'rsatadiki, Nasimiy ijodida nutq faqat ifoda vositasi emas, balki ong va mavjudotni o'zgartiruvchi kuch sifatida namoyon bo'ladi. Nutqqa oid terminlar ko'pincha suv ramzi, sharob, kosa va jannat bulog'i obrazlari bilan birga keladi, bu esa ularning ilohiy marhamatga aloqadorligini ko'rsatadi.

Kalit so'zlar: nutq, ilohiy so'z, sufiy terminologiyasi, sharob metaforasi, hurufiylik ramzlari.

Введение

Имадеддин Насими (1369-1417) является не только одним из самых ярких представителей азербайджанской суфийской литературы, но и одним из наиболее глубоких поэтических интерпретаторов хуруфийского учения. Его Поэтическое наследие представляет собой уникальное явление в истории азербайджанской и исламской мистической литературы. Несмотря на то, что тема слова, языка и откровения занимает важное место в суфийской и хуруфийской традициях, системное лексико-семантическое исследование терминов, связанных с понятием «речь» у Насими, до настоящего времени оставалось фрагментарным и недостаточно изученным. В его поэзии понятие «речь» рассматривается не просто как средство коммуникации, но как форма проявления божественной истины, инструмент передачи духовного знания и просвещения.

Проблема заключается в необходимости многоуровневого анализа суфийских терминов, употребляемых в контексте речи, а также их аллегорических, символических и философских значений в поэтическом дискурсе Насими. Кроме того, важным аспектом является выявление способов образования этих терминов (лексических, синтаксических), их этимологической природы и роли в формировании поэтической картины мира, в которой слово выступает как проявление божественного начала.

В поэтическом наследии Насими встречается целый ряд суфийских терминов, связанных с понятием речи, которые восходят к понятию «язык птиц» (*мантыку-т-тайр*) — аллегорической лексике суфийской поэзии. Такими лексемами являются: *söz (слово), kəlam (речь), nida (возглас), səvt (звук), bəyan (изложение), dil (язык), su, ab (вода), abi-həyat (вода жизни), lə'l (рубин), ləb, dodaq (зубы), cam (чаша), şərab (вино), dəhan (ром), çeşmə (источник), Kəvsər* и др. Эти термины охватывают широкое семантическое поле.

Поэт активно использует данные термины в составе различных словосочетаний и изафетов, отражающих как внешний (захир), так и внутренний (батин) смысл: *dodağın eyni-abi, dodağın şərbəti, dodağın yarı, dodağı abi-heyvan, dodağın balı, dodağından xəcil halvaçılar, dodağın Kövsəri, dodağın çeşmeyi-heyvan, dodağın Səlsəbil, dodağın çeşmeyi-abi-zülal, ağzı yarı, ağzın yarı, nöqtəyi-ağız, müdəvvər nöqtəyi-ağız, sövtü nitq, ləblərin abi, ləbin eyni, ləbi-lə'l, ləbi-lə'lin şərabı, zülal abi, abi-rəvan, Xızrın abi-heyvanı, abi-Kövsər, ləbi-əhya, ləbi abi-həyat, Kövsərin abi-zülalı, lə'lin ənəbi, lə'li-ləbü dürri-dişi, mey, lamü bey, ləbindir möhbiti-Ruhül-əmin,*

həyati-çəşməyi-heyyan, həyati-Xızr, çəşməyi-abi-rəvan, çəşməyi-heyyanləb, ləbin dövrani, ləbin cövhəri, şakkəri-lə'li-ləb, ləbi-çəşm, ləbin cami-müsəffa, ləblərin çəşməsi, ləbin camı, ləbin mai-təhur, heyvan suyu.

В данной статье представлен лексико-семантический анализ указанных терминов и определяется их роль в поэтике Насими.

Материалы и методы.

В статье использованы материалы "Толковый энциклопедический словарь произведений Насими на родном языке" (Том I) [4], составленный по алфавитному принципу и охватывающий всю лексику поэта.

В ходе исследования были применены следующие методы:

1. Лексико-семантический анализ. Использовался для определения значений лексических единиц, связанных с концептом «речь» (*nitq*) в поэтическом дискурсе Насими. Выявлены как их прямые (денотативные), так и скрытые (коннотативные) значения в суфийском и хуруфийском контексте.

2. Контекстуальный анализ. Применён при интерпретации ключевых терминов в составе конкретных бейтов. Особое внимание уделялось взаимодействию термина с поэтическим окружением и религиозными аллюзиями (Коран, хадисы, суфийская символика).

3. Структурно-морфологический и синтаксический анализ. Позволил классифицировать термины по способу их образования — лексическому, морфологическому и синтаксическому. Это способствовало выявлению языковых моделей, с помощью которых Насими строит систему символов.

4. Символично-аллегорический подход. Применялся при анализе метафор, поэтических образов и символов (*cam, şərab, lə'l, abi-həyat, Kövsər* и др.), используемых Насими для выражения трансцендентных смыслов.

5. Сравнительно-исторический метод. Использовался для сопоставления поэтических формул Насими с суфийской традицией классической литературы (включая труды Кады Бурханеддин, Гюльшени и др.).

6. Количественно-описательный подход. Применён для статистической фиксации и группировки терминов, выявленных в рамках концепта *nitq*. В результате были зафиксированы 65 терминов, из которых 19 образованы лексически, а 46 — синтаксически.

История проблемы

Концепт «речь» в контексте суфийской литературы исследовался в трудах как классических, так и современных востоковедов, религиоведов и филологов. В рамках исламской мистической мысли слово (*кялям*) рассматривалось не только как средство коммуникации, но и как форма божественного откровения, отражение внутренней истины и путь к духовному познанию. Эта идея нашла выражение в трудах таких мыслителей, как Ибн Араби, Мулла Сафра, а также в поэзии Джалаладдина Руми, Фаридаддина Атгара, Хафиза и др.

Хуруфийская доктрина, разработанная Фазлуллахом Наими, внесла радикально новый взгляд на природу речи, языка и букв. В этом учении *слово* и *буква* рассматриваются как основные элементы теофании — проявления Бога в человеке. Эти идеи получили поэтическое выражение в творчестве Имадеддина Насими, который стал одним из самых выдающихся интерпретаторов хуруфизма в художественной форме.

Несмотря на наличие ряда исследований, посвящённых Насими, большинство из них сосредоточены на общих аспектах его поэзии, философии или религиозных взглядах. Однако детальный лексико-семантический анализ терминов, связанных с концептом «*nitq*», и их роль в поэтической системе Насими до сих пор остаётся недостаточно разработанным. Настоящая работа направлена на восполнение этого научного пробела.

Аллегорическая семантика лексем “söz”, “kəlam”, “nida”, “sövt”, “dil”, “bəyan”, “şərhi-bəyan”, “bəyani-kuntə kənz eyləmək”

В суфийской традиции «речь» (nitq) трактуется как форма проявления божественной мудрости, откровенного слова (vəhu), воплощённого в человеческой речи. В Коране слова Аллаха обозначаются термином «*kəlamullah*». Таким образом, речь в суфизме — это не просто способность человека к коммуникации, но и язык Истины (Həqq), зримое воплощение Божественного слова в телесной форме.

С этой точки зрения, творчество Имадеддина Насими представляет собой яркий образец художественного осмысления понятия речи в контексте суфийской поэтики. Поэт не только передаёт философские основы хуруфизма художественным языком, но и раскрывает концепт «речь» через систему различных лексико-семантических символов.

Тропы, такие как метафора и сравнение, широко используемые в суфийской поэзии, наделяются не только физическим, но и метафизическим содержанием. Подобная ассоциативная сеть отражает животворящую силу *Божественного слова* — *калама*.

В поэзии Насими такие выражения, как «söz» (слово), «kəlam» (речь), «nida» (возглас), «sövt» (звук), «dil» (язык), «bəyan» (изложение), «şərhi-bəyan (толкование речи), «bəyani-küntü kənz» (толкование хадиса «Я был сокровищем...») часто ассоциируются с речами Фазлуллаха Наими, его духовным учительством и способностью передавать божественные истины.

Лексемы, сформировавшиеся вокруг концепта «речь» в творчестве Насими, функционируют в поэтических текстах как в денотативном, то есть внешне-объективном значении, так и в коннотативном — эзотерическом и аллегорическом.

Для Насими тюркское по происхождению слово «söz» (слово) представляет собой не просто средство общения; оно символизирует божественное знание, слово Истины и истину *ənəl-Həqq* («Я — Истина»). Арабское по происхождению «*kəlam*» (речь) — это знак, исходящий из уст обладателя внутреннего знания, натига (человека совершенного — *инсан-и камиль*) и выражающий совершенное божественное проявление. Тюркское «*dil*» (язык), хотя внешне воспринимается как орган речи, в поэтике Насими выступает как зеркало Истины и зримое проявление Бога.

В этом контексте производные от языка арабские термины «*sövm*» (звук) и «*nida*» (возглас) трактуются не как обычные акустические явления, а как форма внутреннего звучания, светлого теофанического проявления.

Примером может служить следующий бейт:

“Ey xətin Xızr, abi-heyvandır sözün,

Söylə, ey can, söylə kim, candır sözün!” [1, с. 280]

(О, черта твоя – как Хызр, а слово – вода жизни,

Говори, душа моя, ведь слово – это сама душа!)

В данном бейте слово «söz» уподобляется воде жизни (*abi-həyat*) и отождествляется с душой (*can*). Это указывает на то, что слово обладает не только материальной, но и духовной, метафизической силой. Таким образом, в подобных бейтах *söz* (слово) символизирует божественный смысл, *dil* (язык) – его носителя, а *речь* (*kəlam*) – видимое проявление этой истины.

Особое значение имеет выражение «*bəyani-Kuntə kənz*», в котором Насими подчёркивает, что слово исходит из Божественного начала. Это отсылка к известному хадису исламской мистики «كنت كنزاً مخفياً» («Я был сокровищем, сокрытым...»), в котором «*баян*» (изложение, разъяснение) интерпретируется как божественное самораскрытие, теофания. Подобные выражения являются классическими примерами аллегии, поскольку внешне представляют собой метафорические обороты, а в своей глубине — яркое толкование эзотерической истины.

Метафоры «su», «ab», «zülal», «yar», «Səlsəbil», «Kövsər» и «cənnət şərabı» как источники жизни и мудрости

Слово *аб* (آب) персидского происхождения и означает «вода». В поэтическом наследии Насими эта лексема используется как в прямом, так и в суфийском, аллегорическом смысле. В контексте суфизма *аб* символизирует «речь возлюбленного (Бога, Фазлуллаха — Х. Гейдарова) и передаваемое ею откровение» [2]. В поэзии Насими, когда слово *аб* употребляется в сочетании с лексемами «губы» (лэб) и «уста» (додаг), оно обозначает «речь, дарующую бессмертие». Например:

“*Vey dodağın şərbətinlən Kövsərin eynində ab*” [3, с. 22]

(О, вино твоих уст — как аб из самого Кавсара)

“*Şirin ləbidir dilbərin vəhdət meyin peymanəsi*” [1, 156].

(Сладостны уста возлюбленной — как чаша вина Единства)

Таким образом, слово *аб* у Насими функционирует как на физическом, так и на метафизическом уровнях. В суфийском контексте *аб* трактуется как вода жизни, символ Божественной речи, откровения истины (*хакк кялямы*). Как сказано в одном из бейтов:

“*Kim oldu küllü-şey’in həyü dodağın eyni-abından*” [3, с. 186]

(Вся тварь ожила от влаги твоих уст)

Толкование: «С твоей речью всё оживает». Связь между *аб* и *додаг* (уста) в подобных примерах подчёркивает животворящую, творческую сущность слова. В данном случае *аб* символизирует не материальную воду, а Божественное знание, любовь и духовное возрождение.

Слово *яр* (آب) — тюркский архаизм, имеющий несколько значений: «известие, сообщение» [4, с. 323], а также «слюна», «влага во рту» [5, с. 311]. В классической литературе *яр* нередко встречается в значении *речи, изречения, сообщения* и служит поэтическим символом трансцендентного откровения.

“*Ağzi yarı qəndü abi-heyvan,*

Hər çeşmə suyu zülm olurmu?” [1, с. 229]

(Уста — сахар и вода жизни,

Но всякая ли родниковая вода — зюляль?)

В классической поэзии выражение «*ağzi yar*» традиционно обозначает уста возлюбленного или духовного наставника (муршида) — то есть его речь, слово, обращение. *Qənd* (сахар) символизирует сладость, удовольствие, духовное наслаждение; *abi-heyvan* — устойчивый термин в классической суфийской литературе, обозначающий воду жизни, дарующую бессмертие. *Çeşmə* (родник) указывает как на физический источник воды, так и в переносном смысле — на источник слова, речи. *Zülm* — чистая, прозрачная, светлая вода. В данном бейте Насими выражает глубокую гносеологическую мысль с помощью поэтического сопоставления: уста возлюбленного или наставника — это источник речи, которая одновременно сладка (сахар) и животворна (*abi-heyvan*). Тем самым поэт подчёркивает, что истинное слово — не просто звучание, а божественное откровение, наделённое силой оживления и духовного исцеления. Однако он задаёт вопрос: «Всякая ли вода из источника есть *zülm*?» — подразумевая, что не всякая речь обладает этой силой. Лишь слово, несущие в себе Божественное знание, откровение (например, речь Фазлуллаха или слово, вдохновлённое откровением), может быть поистине названа *abi-heyvan*. Таким образом, даже если вода течёт из разных источников, не вся она — *zülm*, то есть не вся есть чистое и светлое знание Истины.

Посредством этого бейта Насими противопоставляет речь Фазлуллаха (или других ораторов) обычной человеческой речи, подчёркивая её уникальность как истока истины, божественного родника.

Кроме того, Насими активно использует метафоры райского вина (*хамр*) и источников для выражения поэтической и божественной силы речи:

“*Sənnətin xəmrə ləbin rəhədir, ol mə'nidən*

Səlsəbil oldu ləbin, adına Kövsər dedilər” [1, с. 264]

(Вино рая — это влага твоих уст,

Лишь по этой сути твои уста зовут Сальсабиль, а имя им дали Кавсар)

“*Ey ləbin ənhariü xəmrin ləzzətən liş-şaribin*” [1, s. 342]

(О, твои уста — это реки райского вина,
Наслаждение для вкушающих!) [1, с. 342]

В этих бейтах выражения «*ləbin rahi*» (влага уст) и «*ənhariü xəmrin*» (реки вина) используются как метафоры для Божественного слова. Они отождествляются с откровением, ниспосланным из рая, тем самым символизируя слово Аллаха.

***Lə'l, ləb, dodaq, dəhan* и *ağız*: внешние и внутренние носители калама**

Термин *lə'l* (араб. لعل – сердолик) в прямом значении означает драгоценный камень – сердолик, однако в суфийской поэзии он выступает метафорой уст, речи и мудрого слова. Слова *ləb* (перс. لب) и *dodaq* (азерб.тюрк.) обозначают уста как физический источник речи, тогда как *lə'l* символизирует духовную и сакральную ценность произнесённого слова.

“*Şirin ləbidir dilbərin vəhdət meyün peymanəsi*” [1, s. 156]

(Сладостны уста возлюбленной — как чаша вина Единства)

Посредством этих символов Насими истолковывает речь своего наставника – Фазлуллаха – как божественную истину. В этом контексте такие выражения, как *ləblərin camı, çeşməsi, şarabı, ləbi-lə'l (lə'li-ləb)* (в суффиксе: слово возлюбленного и его сакральный смысл), *ləbi-əhyu* (оживляющая речь), *ləb-bər-ləb* (чаша, наполненная до краёв) становятся поэтическими образами божественной мудрости. Эти символические выражения ясно демонстрируют, что в поэтике Насими уста (додаг) – уже не просто орган речи, а точка исхода откровения, являющегося проявлением истины (Наqq).

Подобное символическое использование наблюдается и у других поэтов. Так, у Кады Бурханеддина (XIV век) лексема *ляб* применяется в значении речи:

“*Bana ağız-ağız ləbüniün sirrini dersən
Ağzum tolu ab olavü bitna ola könlüm*” [6, с. 185]

(Если ты откроешь мне тайну своих уст,

Пусть уста мои наполнятся водой, и сердце моё обретёт покой)

Гюльшени (XVI век), обращаясь к своему наставнику Ревшени, называет его речь «*ləbin camı*» (*чашей уст*) и подчёркивает, что она оживляет мёртвую духовность слушающих, именно поэтому они стремятся вкусить её снова и снова:

“*Ləbiün camından içənlər dirilir,
Anunçun istərəm andan mükərrər*” [7, s. 59].

(Те, кто пьёт из чаши твоих уст, оживают,

Вот почему я вновь и вновь прошу об этом)

В суфийской терминологии тюркское *ağız* и персидское *dəhan* служат символами *təkəllüm* (говорения), речи и слова. В языке Насими встречается образ *nöqtəyi-ağız* — «точка уст», где малость и замкнутость рта уподобляется изысканности божественных тайн. Иногда это сравнение дополняется образом точки или мельчайшей частицы. Размер рта здесь символизирует краткость и ёмкость выражения божественного знания и сакральных смыслов:

“*Müdəvvər nöqtəyi-ağzı ki, sövtü nitqidür bürhan*” [1, s. 155]

(Круглая точка уст, из которой исходит звук речи, есть доказательство)

***Cam, rah* и *şərab*: поэтическая репрезентация божественной речи**

В суфийской поэтике образы *cam* (перс. جام — чаша) и *şərab* (араб. خمر — вино) символизируют божественное знание (*maarif*), любовь (*eşq*) и откровение (*vəhy*), передаваемое в форме речи. Насими, используя эти символы, подчёркивает двойственную природу слова — его способность как просвещать, так и опьянять, вызывать духовный экстаз и оживление души.

“*Çün ləbin camı-Səm oldu nəfхеyi-Ruhülqüdiis*” [3, s. 13]

(Когда чаша твоих уст стала чашей Джамы, — дыхание Святого Духа оживило её)

Здесь *Camı-Səm* отсылает к «чаше Джамы» — мифологическому объекту в иранской

традиции, принадлежавшему царю Джамшиду, который, согласно преданиям, избрёл вино и владел чашей, в которой отображался весь мир. В переносном значении *sat* означает совершенное, очищенное от зла сердце, а также вместилище откровения. Образ *pəfxeyi-Ruhülqüdüs* («дыхание Святого Духа») отсылает к пророку Исе (Иисусу), но у Насими он символически приписывается Фазлуллаху, наделённому силой одухотворяющего слова.

Термин *rah* (араб. راح — вино, хмельной напиток) в суфийском контексте обозначает *беседу, исполненную божественной любви*, — то есть речь, способную привести в состояние экстаза, растворения в истине.

*“Cənnətin xətri ləbin rahıdır, ol mə'nidən
Səlsəbil oldu ləbin, adına Kövsər dedilər”* [1, s. 264]

(Вино Рая — это влага твоих уст,

Вот почему уста твои зовутся Сальсабиль, а имя им дали Кавсар)

В этом бейте выражение *ləbin rahı* («влага твоих уст») отождествляется с божественным вином, то есть с речью, несущей истину. Слово *rah* (вино) в конструкции «*ləbin rahıdır*» создаёт эквивалентность: *ləb (уста) = söz (слово) = şərab (вино)*. Таким образом, речь приравнивается к райскому напитку, превосходящему по ценности даже описанные в Коране источники *Səlsəbil* и *Kövsər*.

Хотя *Səlsəbil* и *Kövsər* в классической исламской традиции рассматриваются как мифогидронимы — райские источники⁷, в поэтическом дискурсе Насими они приобретают символическое значение божественной речи, отражая её текучесть, сладость и вечность. Образ *ləbin rahı* (щераб уст) в данном контексте представляется даже более возвышенным, чем райские дары. Это подчёркивает, что слово Фазлуллаха — это не просто носитель божественного знания, но и источник просветления, духовного восторга и оживления.

Фигура Хызра и "аби-хайат": бессмертие речи

Мифоантропоним *Xızr* в классическом суфизме связан с божественным знанием и вечной жизнью. В суфийской литературе Хызр — это пророк, достигший бессмертия, испив *аби-хайат* (آب حیات — воду жизни). У Насими этот образ трансформируется в символическое отражение состояния *mürid*'а (ученика), соединённого с речью *mürşid*'а (духовного наставника) — Фазлуллаха.

“Xızr olub içdi abi-ləmyəzəli,

Buldu xəttində abi-heyvani” [1, s. 237]

(Хызр испил вечную воду — abi-ləmyəzəl (вечное питьё), и раскрывая черты Адама обрёл воду жизни)

Здесь мотив «питья воды жизни» выступает как метафора восприятия речи наставника. Образ Хызра, испившего *аби-хайат*, символизирует духовное возрождение через слово муршида. Речь Фазлуллаха уподобляется источнику бессмертия.

«Xızrın abi-heyvani nitqidir anın gəl iç,

Gör kim, nə həyat axar mərcani-xoşabından» [1, s. 123]

(Вода жизни Хызра — его речь, пей же её,

Взгляни, какая жизнь струится из её кораллово-сладостного потока)

В этом бейте *abi-heyvani* («вода жизни») является метафорой *nitq* (речи). В суфийском контексте вода жизни символизирует бессмертие, вечное бытие и духовное обновление. Согласно исламской традиции, пророк Хызр достиг бессмертия, испив эту воду. Насими переосмысливает данный мотив, утверждая, что подлинная *аби-хайат* — это *ilahi nitq* (божественная речь).

Такой подход соответствует хуруфитско-суфийскому мировоззрению, в котором духовное совершенствование достигается через *vəhu* (откровение), *ilham* (вдохновение) и *hikmətli söz* (мудрое слово). В этом контексте *nitq* — не просто речь, а источник жизни и внутреннего пробуждения.

Фраза *gəl iç* («приди и пей») — это призыв, обращённый к ищущему, к муриду:

⁷ См.: [10, с. 68]

прийти, услышать, постичь и принять слово. Это не просто предложение, а инициатическое приглашение насытиться духовной истиной. Это также слова муршида, обращённые к жаждущей душе, стремящейся к сакральному знанию.

Во второй строке речь сравнивается с *mərcaṇi-xoṣab* — кораллово окрашенным, сладким, приятным напитком. Эта метафора подчёркивает красоту, ценность и вкусовую насыщенность божественного слова. Выражение *nə həyat axar* («какая жизнь струится») указывает на животворящую, очищающую и совершенствующую силу речи как канала божественного откровения.

Кораническая символика и «kəlam»

В суфийской литературе коранические выражения и аяты часто трансформируются в поэтическом контексте в ассоциативно-духовную систему символов. Насими использует такие образы для описания речи Фазлуллаха, приравнивая её к текучему и живительному райскому потоку:

“Ey ləbin ənhariü xəmrin ləzzətən liş-şaribin” [1, s. 342]

(О, твои уста — это реки вина, приносящего наслаждение пьющим)

Эта строка является поэтическим переосмыслением 15-го аята суры Мухаммад, где описывается рай, обещанный богобоязненным: «Образ сада, который обещан богобоязненным: там - реки из воды не портящейся и реки из молока, вкус которого не меняется, и реки из вина, приятного для пьющих, и реки из меду очищенного» [8, 47:15].

В приведённой строке *ləbin* (уста) приравниваются к источнику райского вина, описанного в Коране, что символически интерпретируется как *божественная речь* (*ilahi nitq*), дарующая просветление и духовное наслаждение. Таким образом, *Tanrı kəlamı* (слово Бога) уподобляется *шарабу* — популярной в суфийской поэтике метафоре экстаза, таинственного опьянения и проникновения в трансцендентное.

“Qaluda bəni saqi isritdi şərabindən,

İçirdi bana lə'lün Xızrın suyü-abindən” [9, s. 69]

(В доистинном собрании виночерпий (Аллах) напоил меня своим вином, и дал испить мне из агата твоих уст — из источника воды Хызра)

В данном бейте речь идёт о предвечной встрече душ с Богом (*qaluda* — образ досотворного мира, где души заключали завет с Аллахом). Здесь *saqi* (виночерпий) символизирует Творца, *şərab* — Его обращение к душам, то есть Божественное слово. *Lə'lün suyü-abı* (вода из уст, подобная агату) метафорически указывает на откровение, переданное через речь. Смысл строфы: ещё до земного существования, в тот предвечный момент, поэт — в образе души — вкусил бессмертие, получив его через божественную речь.

Таким образом, Насими развивает суфийскую традицию аллегорического толкования коранической символика, в которой *шərab*, *река*, *влага уст*, *источник воды Хызра* становятся кодами сакрального знания, доступного лишь через откровение, полученное в слове.

Имадеддин Насими укрепляет своё понимание *божественной речи* (*ilahi nitq*) кораническими основаниями. Термин *kəlam* (араб. كلام) означает «речь», «высказывание», «изречение». В классическом исламском богословии Коран называется «*Кялям-и-кадим*» (Предвечная речь), а его аяты — «*кялям-уллах*» (Слова Аллаха). В этом контексте суфийские поэты объединяют *божественное слово* с *человеческой речью*, придавая ей глубинный гностический смысл. Насими использует этот концепт как в отношении Священного Писания, так и в отношении слов Фазлуллаха Наими как носителя Божественной истины:

“Həm Lövhü Tövratiü Zəbur, İncilü Qur'anü Sühəf

Həm mən kəlamı-natiqəm, həm səm'i-Qur'an gəlmişəm” [1, s. 23]

(Я — и Скрижали, и Таурат, и Забур, и Инджил, и Коран, и Сухуф,

Я — слово, что говорит, я — воплощённый свод Корана)

Выражение *kəlamı-natiq* («говорящее слово») в этом бейте означает, что поэт выступает в роли живого носителя Божественной речи. Это отражает центральную идею

хуруфизма, согласно которой *буква* и *слово* являются проявлениями Божественной сущности. Таким образом, поэт отождествляет себя с *теофанией* (*zühür*), проявлением Истины через речь.

Форма *kalamıntək* представляет собой синтетическую единицу, состоящую из арабского слова *kəlam* и тюркского притяжательного аффикса *-in* с постпозитивным сравнительным элементом *-tək* («как», «подобно»). В следующем бейте Насими использует эту форму в значении: «как твоя (Фазлуллаха) божественная речь»:

“*Dil sənin şirin kalamıntək kəlim olmuşdurur*
Can sana bir bəndeyi, əlbət qədim olmuşdurur” [1, s. 226]

(Мой язык стал говорящим, как твоя сладкая речь (*kəlam*),
 А душа моя — твой раб, конечно же, изначальный)

Здесь используется имя *Kəlim* — эпитет пророка Мусы (Моисея), который, согласно исламской традиции, говорил с Богом. Поэтому его также называют *Кəлимүллах* («собеседник Аллаха»). Однако Насими переносит этот атрибут на собственную речь, утверждая, что его язык — как *kəlam* Фазлуллаха — стал *kəlim*, то есть носителем Божественного обращения. Эта аллюзия на пророческую функцию речи — центральная идея хуруфийской доктрины, в которой *доступ к истине осуществляется через слово*.

Заключение

В творчестве Имадеддина Насими концепт «речь» (*nitq*) выступает не просто как эстетическая категория, но как явление, обладающее онтологической и гностической сущностью. Его поэтическая система насыщена глубокими по смыслу суфийскими символами и метафорами, через которые *речь* представляется одновременно и как *божественное слово*, и как *средство духовного очищения*.

Большинство лексем, относящихся к концепту «речь» в поэзии Насими, реализованы в аллегорическом ключе. С одной стороны, они функционируют как средства коммуникации, с другой – как символические метафоры, выражающие внутренние истины, божественное присутствие и степень духовной зрелости человека.

Такие лексические единицы, как *söz* (слово), *kəlam* (речь), *dil* (язык), *bəyan* (изложение), *nida* (возглас), *sövt* (звук), *dodaq* (губы), *dəhan* (рот), *lə'l* (сердолик), *ab* (вода), *şərab* (вино), *cam* (чаша), *Kövsər* и др., в поэтике Насими рассматриваются не только как лексические элементы, но и как носители мистического, философского и аллегорического значения.

Такой подход полностью соответствует хуруфийскому и суфийскому мировоззрению поэта. В поэзии Насими речь предстает как форма божественного откровения, олицетворённого в слове, выполняющего функцию моста между человеком и Богом.

В результате исследования в поэтическом наследии Насими было выявлено 65 суфийских терминов, функционирующих в рамках концепта «речь». См.: Таблица 1.

Таблица 1. Суфийские термины, функционирующие в рамках концепта «речь» (*nitq*) в творчестве Насими

Лексически образованные термины	Синтаксически образованные термины
<i>ab</i>	<i>abi-heyvan</i>
<i>bəyan</i>	<i>abi-həyat</i>
<i>cam</i>	<i>abi-Kövsər</i>
<i>çəşmə</i>	<i>abi-rəvan</i>
<i>dil</i>	<i>ağzı yarı</i>
<i>dəhan</i>	<i>abi-zülal</i>

	<i>dodaq</i>	<i>ağzın yarı</i>
	<i>kəlam</i>	<i>bəyani-küntü</i> <i>kənz</i>
	<i>Kövsər</i>	<i>çeşmeyi-abi-</i> <i>rəvan</i>
	<i>ləb</i>	<i>çeşmeyi-heyvan</i>
	<i>lə'l</i>	<i>çeşmeyi-</i> <i>heyvanləb</i>
	<i>mey</i>	<i>çeşmeyi-abi-zülal</i>
	<i>nida</i>	<i>dodağın eyni-abi</i>
	<i>Səlsəbil</i>	<i>dodağın şərbəti</i>
	<i>söz</i>	<i>dodağın yarı</i>
	<i>sövt</i>	<i>dodağın balı</i>
	<i>su</i>	<i>dodağın Kövsəri</i>
	<i>şərab</i>	<i>dodağın Səlsəbil</i>
	<i>yar</i>	<i>heyvan suyu</i>
		<i>həyati-çeşmeyi-</i> <i>heyvan</i>
		<i>həyati-Xızr</i>
		<i>Xızrın abi-</i> <i>heyvanı</i>
		<i>Kövsərin abi-</i> <i>zülalı</i>
		<i>lamü bey</i>
		<i>ləbi abi-həyat</i>
		<i>ləbi-çeşm</i>
		<i>ləbin cövhəri</i>
		<i>ləbin dövranı</i>
		<i>ləbin cami-</i> <i>müsəffa</i>
		<i>ləbi-əhya</i>
		<i>ləbi-lə'l</i>
		<i>ləbi-lə'lin şərabı</i>
		<i>ləbin camı</i>
		<i>ləbin mai-təhur</i>
		<i>ləblərin abı</i>
		<i>ləblərin çeşməsi</i>
		<i>ləbin eyni</i>
		<i>lə'lin ənəbi</i>
		<i>lə'li-ləbü dürri-</i> <i>dişi</i>
		<i>nöqteyi-ağız</i>
		<i>möhbiti-Ruhül-</i> <i>əmin</i>
		<i>müdəvvər</i> <i>nöqteyi-ağız</i>
		<i>sövtü nitq</i>
		<i>şəkkəri-lə'li-ləb</i>
		<i>şərhi-bəyan</i>
		<i>zülal abi</i>

Из них 19 суфийских терминов были образованы лексическим способом, а 46 – синтаксическим способом. Среди лексически образованных терминов: 5 имеют тюркское происхождение (*dil* – язык, *dodaq* – губы, *söz* – слово, *su* – вода, *yar* – возлюбленный), 6 – персидское (*ab* – вода, *cam* – чаша, *çeşmə* – родник, *dəhan* – рот, *mey* – вино, *lab* – губа), 8 – арабское происхождение (*bəyan* – изложение, *kəlam* – речь, *Kövsər*, *ləl* – сердолик, *nida* – возглас, *şərab* – вино, *sövt* – звук, *Səlsəbil* – райский источник).

Суфийские термины, связанные с концептом «*nitq*», и образованные синтаксическим способом, представляют собой конструкции *смешанного происхождения*, в которых компоненты заимствованы из различных языков. В некоторых случаях один и тот же термин может существовать в нескольких вариациях. Например, в персидской модели: *abi-heyvan*, *çeşməyi-heyvan*, *həyati-çeşməyi-heyvan*, а в тюркской модели второго типа определительного словосочетания – *heyvan suyu* (вода жизни). Подобным образом можно привести пример терминов: *abi-zülal* и *zülal abi*, в которых компоненты сменяются местами в зависимости от языковой структуры.

Литература

1. Nasimi, I. *Seçilmiş əsərləri* [Selected Works]. In two volumes. Vol. II. Edited by Hamid Araslı. Baku: Lider Nəşriyyat, 2004, 376 p. [in Azerbaijani]
2. Çelebi, E. *Tasavvuf Terimleri ve Deyimleri Sözlüğü* [Dictionary of Sufi Terms and Expressions]. PDF version. [in Turkish]
3. Nasimi, I. *Seçilmiş əsərləri* [Selected Works]. In two volumes. Vol. I. Edited by Hamid Araslı. Baku: Lider Nəşriyyat, 2004, 336 p. [in Azerbaijani]
4. Budagov, L.Z. (1869). *Sravnitel'nyj slovar' turecko-tatarskikh narechij, so vklyucheniem upotrebiteleshkikh slov arabskikh i persidskikh i s perevodom na russkij yazyk. T.1* [Comparative dictionary of Turkic-Tatar dialects, including the most commonly used Arabic and Persian words with Russian translation. Vol. 1]. St. Petersburg. [in Russian]
5. Toparlı, R., Vural, H., Karaatlı, R. (Eds.). *Kıpçak Türkçesi Sözlüğü* [Dictionary of Kipchak Turkish]. 2nd ed. Ankara: Türk Dil Kurumu, 2007, 338 p. [in Turkish]
6. Qazi Burhaneddin. *Divan* [Collected Poems]. Baku: Öndər Nəşriyyat, 2005, 728 p. [in Azerbaijani]
7. Gülşeni, Şeyh İbrahim. *Divan* [Collected Poems]. Baku: Avrasiya Press, 2006, 416 p. [in Azerbaijani]
8. The Quran. Translation and commentary by I. Yu. Krachkovsky. Baku: Yazıçı, 1990. [in Russian]
9. Qəhrəmanov, C. *Nəsimi divanının leksikası* [The Lexicon of Nasimi's Divan]. Baku: Elm Nəşriyyatı, 1970. [Qahramanov, J. *Leksika divana Nasimi*. Baku: Nauka, 1970.] [in Azerbaijani]
10. Heydarova, Kh. *Nəsiminin anadilli əsərlərinin izahlı-ensiklopedik lüğəti. I cild*. [Толковый энциклопедический словарь произведений Насими на родном языке. Том I] Baku: Нурлар. 2019. 344 с. (На азерб. яз.)
- 11.
12. Heydarova, Kh. I. *Obraznaya peredacha mifotoponimov v tvorcestve Nasimi* [Figurative representation of mythotoponyms in Nasimi's works] // *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*. 2025. Vol. 17, No. 1, pp. 000–000. <https://doi.org/10.21638/spbu13.2025.106> [in Russian]

Information about the author:

Khadija Heydarova – corresponding author, PhD in Philology, Associate Professor, Nasimi Institute of Linguistics, Azerbaijan National Academy of Sciences, Baku, Azerbaijan. E-mail: heyderova73@mail.ru, ORCID: 0000-0002-1148-8326

Хадиджа Исабала кызы Гейдарова – автор для корреспонденции, кандидат филологических наук, доцент, Институт языкознания имени Насими, Национальная академия наук Азербайджана, Баку, Азербайджан. E-mail: heyderova73@mail.ru, ORCID: 0000-0002-1148-8326